

Moran W.L. Amarna Studies. Collected Writings. Winona Lake, 2003.

Parker S.B. Ammonite, Edomite and Moabite // Beyond Babel. A Handbook for Biblical Hebrew and Related Languages. Atlanta, 2002.

Rainey A.F. Canaanite in the Amarna Tablets. A Linguistic Analysis of the Mixed Dialect Used by the Scribes from Canaan. Leiden; New York; Köln, 1996.

Sivan D. Grammatical Analysis and Glossary of the Northwest Semitic Vocables in Akkadian Texts of the 15th–13th C.B.C from Canaan and Syria. Neukirchen-Vluyn, 1984.

Sivan D., Cochavi-Rainey Z. West Semitic Vocabulary in Egyptian Script of the 14th to the 10th Centuries BCE. Beer-Sheva, 1992.

Swiggers P. The Moabite Inscription of el-Kerak // AION, 1982, vol. 42.

Tropper J. Ventiv oder *yaqtula*-Volitiv in den Amarnabriefen aus Syrien-Palästina? // Ana šadī Labnāni lū allik. Festschrift W. Röllig. Neukirchen-Vluyn, 1997.

Tropper J. Das Verbalsystem der Amarnabriefe aus Jerusalem // UF, 1998, Bd. 30.

Weippert M. Kanaan // Reallexikon der Assyriologie. Berlin; New York, 1976–1980, Bd. 5.

С о к р а щ е н и я н а з в а н и й и с -
т о ч н и к о в

EA — Письма из Эль-Амарны (по изданиям: *Knudtzon J. A.* Die El-Amarna Tafeln. Leipzig, 1907–1915 и *Rainey A.* El Amarna Tablets 359–379. Neukirchen, 1978).

KAI — *Donner H., Röllig W.* Kanaanäische und aramäische Inschriften. Wiesbaden, 2002.

KL — Письма из Камид-Эль-Лоз (по изданию: *Edzard D.O. et al.* Kamid el-Loz — Kumidi. Schriftdokumente aus Kamid el-Loz. Bonn, 1970).

KTU — *Dietrich M., Loretz O., Sanmartín J.* The Cuneiform Alphabetic Texts from Ugarit, Ras Ibn Hani and Other Places. Münster, 1995.

TA — Tel Aviv. Journal of the Institute of Archaeology of Tel Aviv University.

TT — Письма из Телль-Таанек (по изданию: *Hrozný F.* Die Keilschrifttexte von Ta'anek / E. Sellin. Tell Ta'anek. Wien, 1904).

А.К. Лявданский

ФИНИКИЙСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

Финикийский язык (Ф.я.) — язык финикийцев (греч. Φοίνικες), народа, населявшего средиземноморское побережье Северного Ханаана (совр. Ливан, Сирия и Север Израиля). Жители этой страны называли ее *knḥn*, а греки дали ей название Φοινίκη. В период гегемонии Сидона в первой половине I тыс. до н. э. жители Финикии называли себя *šdnm* (**šidōnīm*). Носители финикийского языка в Северной Африке, по данным позднепунической эпиграфики (после II в. до н. э.), называли себя *sorim/sorem*, т. е. «тирийцы»; блж. Августин в начале V в. н. э. сообщает, что потомки карфагенян называют себя *chananīm* (см. также статью «Ханаанейские языки» в наст. издании).

1.1.1. Обозначения Ф.я. на современных европейских языках — англ. *Phoenician*, нем. *das Phönizische*, франц. *le phénicien*. Согласно реконструкции Ч. Крахмалкова, сами финикийцы называли свой язык (**dabarīm*) *Ponnīm*. Региональную разновидность Ф.я., распространенную в Северной Африке, а также других финикийских колониях Западного Средиземноморья, называют пуническим языком (лат. *lingua Punicā; punice* 'по-финикийски').

1.1.2. Ф.я. относят к ханаанейской подгруппе северо-западной группы семитских языков.

1.1.3. Ф.я. известен, в основном, по эпиграфическим памятникам из финикийских городов Библ (*gbl*), Тир (*ṣr*) и Сидон (*šdn*) на средиземноморском побережье Леванта

(совр. Ливан). Примерные временные границы памятников Ф.я.: с конца II тыс. до н. э. до I в. до н. э. (наиболее поздней датированной надписью из Финикии является греко-финикийская билингва из Арвада — совр. Руад в Сирии — с посвящением Гермесу и Гераклу, 24–25 г. до н. э.). Ф.я. использовался также для монументальных надписей IX–VII вв. до н. э. в городах-государствах Юго-Восточной Анатолии (Зинджирли, Каратепе, Хасан-Бейли, Джебель-Ирес-Даги; названия даются по современным топонимам — местам археологических раскопок). Благодаря финикийской колонизации Западного Средиземноморья, Ф.я. получил распространение в прибрежной полосе Северной Африки, Испании, Франции, на о-вах Сицилия, Сардиния и Мальта. По свидетельствам позднеантичных и раннехристианских авторов, пуническая речь звучала в городах и деревнях римских провинций Нумидии и Африки (совр. Алжир и Тунис) вплоть до V в. н. э. Наибольший интерес в этой связи представляют сочинения блж. Августина (354–430), родившегося в Нумидии, большую часть жизни проведшего в Северной Африке и называвшего пунический «нашим собственным языком». Последними памятниками Ф.я. являются так называемые латино-пунические надписи IV в. н. э. из Триполитании в Ливии. Помимо эпиграфики, Ф.я. документирован также глоссами у античных авторов. Монолог пунийца Ханно и отдельные фразы в комедии Плавта «Пуниец» (“*Poenulus*”) благодаря современным реконструкциям (М. Шницер, Ч. Крахмалков) могут рассматриваться как источник сведений о Ф.я. Множество финикийских личных имен, засвидетельствованных в текстах на древнеегипетском, аккадском, древнееврейском (Библия), греческом и латинском языках, также дают богатый материал для изучения Ф.я.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Деление на диалекты — библский, тиро-сидонский, севернофиникийский, кипрский, западный (пунический) — проводится в основном не по лингвистическим, а по историко-географическим критериям.

Язык древнейшей финикийской эпиграфики XI–X вв. до н. э. из г. Библ (надписи библских царей Ахиромы, Йахумилка, Абибаала, Элибаала и Шипитбаала I) обладает рядом черт (см. 1.5.0.), на основании которых проводится разграничение между древнебиблским и стандартным финикийским (Р. Гарр). Это деление, объединяющее географический и хронологический принципы, трудно обосновать из-за крайней скудости эпиграфического материала XI–X вв. до н. э. за пределами Библа: об особенностях Ф.я., бытовавшего в этот период в других финикийских городах, почти ничего нельзя сказать. Примечательно, что после X в. библский диалект теряет свои черты, сближаясь со стандартным финикийским с главными центрами в Сидоне и Тире. В I тыс. до н. э. возрастает роль этих городов, их диалект распространяется по Западному Средиземноморью. С возвышением Карфагена и превращением его в центр западных финикийских колоний в VI в. до н. э. связано выделение пунического диалекта.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Ф.я. был официальным и разговорным языком финикийских городов-государств на средиземноморском побережье Леванта (совр. Сирия и Ливан) и многочисленных факторий финикийских купцов в Западном Средиземноморье. В финикийских городах Восточного Средиземноморья — Тире, Сидоне, Библи, Арваде и др. — Ф.я. стал вытесняться арамейским с V в. до н. э. и греческим — с III в. до н. э. В городах Юго-Восточной Анатолии, где в качестве разговорного употреблялись арамейский и анатолийские языки, Ф.я. использовался в официальных царских надписях. Можно предполагать использование Ф.я. в качестве лингва франка в конце II — начале I тыс. до н. э. народами, участвовавшими в морской торговле на Средиземном

море: греками (надпись X в. из Текке на о. Крит), филистимлянами (финикийские имена филистимских правителей VIII–VII вв. до н. э. по данным клинописных источников новоассирийского периода; надпись из Экрона) и др. Сформировавшаяся в VI в. до н. э. морская держава Карфагена сохраняет Ф.я. (пунический) в качестве официального, а после ее распада во II в. до н. э. Ф.я. остается, наряду с латинским, языком местного населения некоторых городов Северной Африки.

1.3.2. Помимо довольно разнообразных по содержанию эпиграфических памятников, не сохранилось никакой литературы на Ф.я. Поэтическая форма некоторых надписей (параллелизм, ритмика) позволяет говорить о существовании у финикийцев литературной традиции, родственной как литературе Угарита, так и древнееврейской литературе. Свидетельства о финикийской литературе и отрывки из произведений грекоязычных финикийских историков имеются у античных авторов и церковных писателей. В частности, греческий философ Порфирий (ок. 234 — ок. 303 г. н. э.) указывает на то, что Филон Библиский перевел с финикийского языка на греческий финикийскую историю Санхуниатона, а отрывки из труда Филона Библиского приводятся греческим христианским писателем Евсевием Кесарийским (ок. 265 — ок. 340 г. н. э.). Монолог и ряд фраз из комедии Плавта «Пуниец», созданной около 189 г. до н. э., не являются памятником финикийской литературы, они лишь говорят о знакомстве римской публики с Ф.я. после завершения 2-й Пунической войны (218–201 гг. до н. э.). Не стоит исключать и возможность заимствования Плавтом этого монолога и фраз из фактически одноименной комедии «Карфагенянин» (“*Καρχιδονίος*”) греческого комедиографа Алексиса (ок. 372 — ок. 270 г. до н. э.), от которой сохранился один небольшой фрагмент.

1.3.3. Изучение финикийских письменных памятников, как правило, входит в курсы по западносемитской эпиграфике в ведущих университетах США, Канады, Германии, Франции, Италии, Испании, России. Крупнейшим центром изучения Ф.я. является Институт финикийской и пунической цивилизации (*Istituto per la civiltà Fenicia e Punica*) в Риме.

1.4.0. Наиболее ранней формой собственно финикийской письменности была, по-видимому, библьская псевдоиероглифика, памятники которой датируются серединой II тыс. до н. э. Хотя она не дешифрована, есть основания полагать, что она представляла собой слоговое письмо. Вероятно, библьская псевдоиероглифика, а также консонантное письмо соседнего с Финикией города Угарита, сыграли какую-то роль в появлении в конце II тыс. до н. э. финикийского алфавита (см. статью «Происхождение и ранние этапы развития западносемитского алфавита», приложение к наст. изданию). По-видимому, в XI в. до н. э. финикийское письмо было заимствовано греками, а на рубеже I тыс. до н. э. — евреями, моавитянами и арамеями. Благодаря широкому распространению арамейского и греческого письма как в Европе, так и на Ближнем и Среднем Востоке, а также созданию на основе греческого письма латинского алфавита, созданное финикийцами и усовершенствованное греками алфавитное линейное письмо стало достоянием народов Европы и Азии, а затем распространилось и на другие части света.

Принято считать, что финикийское консонантное письмо, возникшее в конце II тыс. до н. э., представляет собой письменность оригинального происхождения, отражающую инвентарь согласных фонем Ф.я. Имеется 22 знака для согласных, которые ввиду отсутствия обозначений для гласных можно рассматривать как буквенно-силлабические знаки, имеющие значение CV или C∅. Впоследствии, подобно тому как это происходило в древнееврейской и арамейской эпиграфике, вводится обозна-

чение гласных с помощью знаков \aleph /ʔ/, \aleph /h/, \aleph /h/, \aleph /ʕ/, \aleph /w/ и \aleph /y/ сначала в конце слов, а затем в середине и начале. В стандартном финикийском обозначение гласных с помощью знаков для согласных (в гебраистической традиции — *matres lectionis*) ограничено, в основном, передачей иноязычных имен. В пуническом и особенно позднепуническом использование *matres lectionis* расширяется, но по ряду причин носит несистематический характер. Например, выражение 'его голос' / \aleph ūlō/, нередко встречающееся в пунических votивных надписях, может иметь следующие написания: \aleph lh, \aleph lʕ, \aleph ʔlʔ, \aleph wlʔ. Геминация согласных на письме не передается, за исключением отдельных случаев в позднепуническом, в основном при написании латинских имен собственных (\aleph ʕllʔ 'Gallus', \aleph ʕssy 'Cassius'). В качестве разделителей слов sporадически использовались вертикальный штрих или точка, в некоторых надписях точками отделяются предложения. Направление письма — справа налево. Отдельные надписи XI в. до н. э. показывают, что в этот период единое направление письма еще не утвердилось: есть примеры бустрофедона, направления слева направо и сверху вниз. Различают три типа письма: собственно финикийское, пуническое и неопуническое, развившееся из финикийского курсива. Образец финикийского письма см. в приложении II («Образцы западносемитских алфавитов») в наст. издании.

Значительное количество пунических и позднепунических надписей записано греческим (надписи из Васты в Ливане, КАИ 174 и из Константины в Алжире, КАИ 175–177) и латинским (Ливия, КАИ 178–179, LPE 59–78) письмом. Этот материал, который включает немало надписей-билингв, представляет большую ценность для исследования вокализма Ф.я. Передача гласных в этих надписях довольно систематична. Греческие написания позволяют установить долготные противопоставления для некоторых гласных: Ω /ō/, \mathcal{O} /o/, \mathcal{H} /ē/, \mathcal{E} /e/, \mathcal{A} /a, ā/, \mathcal{I} /i, ī/, \mathcal{OY} /u, ū/, \mathcal{Y} /ə, ü (?). Латинские буквы для гласных, в основном, соответствуют финикийским гласным без различия долготы: \mathcal{A} /a, ā/ и т. д. Определенную проблему представляет фонетическое значение греч. \mathcal{Y} и лат. \mathcal{U} . Оба знака передают как редуцированный /ə/, так и гласный, природа которого не совсем ясна (/ü/, согласно С. Сегерту).

1.5.0. Нет оснований говорить об общих для всех региональных разновидностей Ф.я. периодах развития. Архаические черты ограничиваются диалектом г. Библ (древнебиблский, XI–X вв. до н. э.): наличие глаголов с инфиксом *-t-* (также, по видимому, в надписи из Зинджирли второй половины IX в. до н. э.), сохранение глаголами IIIу конечного *y* в формах 3-го лица единственного числа мужского рода, наличие местоименного суффикса 3-го лица единственного числа мужского рода *-h*, наличие указательного местоимения единственного числа мужского рода *zn*, отсутствие *nota accusativi*, наличие особой формы притяжательного суффикса 1-го лица единственного числа на *-y* (*-*iyu*) для имен в родительном падеже (что, вероятно, свидетельствует о сохранении падежных окончаний).

Выделение в пуническом неопунического диалекта основано, прежде всего, на данных палеографии: курсив, появившийся в пунических надписях в конце III в. до н. э., к середине II в. до н. э. вытесняет монументальное письмо во всех жанрах эпиграфики. «Позднепуническими» (неопуническими) принято считать эпиграфические памятники, датируемые после 146 г. до н. э. — даты разрушения Карфагена.

1.6.0. В надписи из Зинджирли (КАИ 24) отмечены следующие арамейские и самарские черты: композит неопределенного и относительного местоимения *mʕš* 'все, что' (сам. *mz*), предложный композит *bmtkt* 'в середине, среди' (арам. *bmsʕt*), номинализация предлога *lpn* 'перед' в виде прилагательного *lpny* 'прежний' (ср. арамейск. *ḳdm* > *ḳdmu*). См. также статью «Арамейские языки» в наст. издании.

Некоторые эпиграфические памятники на Ф.я. имеют своими протографами соответствующие греческие и латинские типы надписей. В таких документах, помимо повторения композиционной структуры, видны примеры калькирования синтаксических конструкций. Ср., например, кальку с греческого оборота *accusativus cum infinitivo* в функции сложного прямого дополнения: *tm₁ bd šdnm₂... ?yt rʕt₃ z₄ lktb₅ hʔdmm₆ ?š nšʔm₇ ln₈ ʕl bt ʔlm₉ ʕlt₁₀ mšbt₁₁ hrš₁₂* ‘Сидонцами₂ было решено₁... (что) люди₆, назначенные₇ нами₈ зрителями храма₉, запишут₅ это₄ решение₃ на₁₀ выгравированной₁₂ стеле₁₁’ (КАИ 60:4 сл.). Греческий оборот *genitivus absolutus* (родительный самостоятельный) передан в финикийском почти без изменений: *knprs₁ ʔrsnʔs₂ pldlp₃ ʔmtʔsr₄* (*κανεφόρου₁ Αρσινόης₂ Φιλαδέλφου₃ Αμοθοσίριδος₄) ‘когда Амофосирида₄ была канефорой₁ Арсиной₂, дочери Филадельфа₃’ (КАИ 40:2). Пример калькирования латинского герундия: *bʕlytn₁... kʕs₂ lpʕl₃* (лат. **faciendum curavit*) ‘Ба’ал-йатон₁... обеспечил₂ выполнение₃’ (КАИ 124:4).

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Фонемный состав.

С о г л а с н ы е

По способу образования			По месту образования						
			Лабильные	Дентальные	Альвеолярные	Палатальные	Велярные	Фарингальные	Ларингальные
Шумные	Смычные	Гл.	p	t			k		
		Зв.	b	d			g	ʕ	ʔ
		Эмф.		ṭ			ḳ		
	Щелевые	Свис- тящие	Гл.			s		ħ	h
			Зв.			z			
			Эмф.			š			
	Шипящие				š				
Сонанты	Назальные		m	n					
	Латеральные			l					
	Вибранты			r					
	Глайды		w			y			

В пуническом артикуляция ларингалов (*ħ, ʕ, h, ʔ*) ослабляется и постепенно сходит на нет (*ħnbʕl*, лат. *Hannibal, Annibal*; определенный артикль *h-* в позднепунических надписях выписывается и как *h*, и как *ʔ, ħ, ʕ*). Некоторые написания в позднепуническом, возможно, говорят об изменениях в артикуляции эмфатиков: *kds* ‘святилище’, *mtʔ* ‘внизу’ (вм. ожидаемых форм с *ḳ* и *ṭ*). Звонкий зубной *d* в пуническом ослаблен и на письме может исчезать в положении между гласными и перед согласными (*bdʕštrt/bʕštrt*, Βουδαστρατος/Βωσταρ, *Bodmilcar/bʕmlḳrt*, имена собственные). Отражение прасемитского *š* не везде одинаково: например, в надписи из Сидона, датируемой 500 г. до н. э., числительное ‘десять’ имеет вид *ʕsr* (вм. ожидаемого **ʕšr*) За исключением этого случая прасемитскому *š* всегда соответствует на письме *ʕ/š/*.

Г л а с н ы е первоначально на письме не обозначались. Позднее (см. 1.4.0., 2.1.4.) развилась система обозначения некоторых гласных с помощью согласных.

О вокализме можно судить только по передаче имен собственных в текстах на аккадском, греческом и латинском языках, по пуническим надписям, записанным латинским и греческим письмом, а также по пуническим отрывкам у Плавта. Предположительно имелись гласные *a*, *e*, *i*, *o*, *u*.

2.1.2. Прямых сведений о характере ударения до нас не дошло. Принято считать, что переход общ.-сем. **a > o* имел место лишь в ударной позиции. Таким образом, имена типа **qatalu* и **qātalū* приобретают вид *qatól* и *qutól* (ср. др.-евр. *qāṭāl* и *qōṭāl* соответственно). Из этого следует, что слова *λαβων* 'белый' (др.-евр. *lābān*) и *ουλωμος* 'вечность' (др.-евр. *ʔōlām*), вероятно, были акцентуированы на втором слоге. О смещении ударения при присоединении суффиксов может свидетельствовать редукция гласного: *bynuthi* 'мои дочери' (**bənōtī < *bānōt*), *dobrim* 'говорят' (**dob(ə)rīm < *dō/ūbēr*).

2.1.3. Судя по передаче финикийских смычных в поствокальной позиции в латинском и греческом (до II в. до н. э. *p* — греч./лат. *π/p*, *t* — греч./лат. *τ/t*, *k* — греч./лат. *κ/c*; начиная со II в. до н. э. *p* — греч./лат. *φ/ph*, *f*, *t* — греч./лат. *θ/th*, *k* — греч./лат. *χ/ch*, *h*), со II в. до н. э. происходит их спондизация в положении после гласных, причем в случае с *p* это касается также положения в начале слова (*pʔl*, лат. *fel* 'он сделал').

2.1.4. Данные иноязычной передачи финикийских слов позволяют предполагать, что наиболее типичные структуры слогов в Ф.я. имели вид CV и CVC, однако отсутствие огласованных текстов не позволяет судить об этом со всей определенностью. В позднепуническом и позднефиникийском есть данные о слогах типа VC в начале слова. Об этом говорит появление протетического гласного перед некоторыми синбилянтами (*z*, *s*, *š*) и перед предлогом *b-*. Такой гласный обозначается на письме обычно с помощью знака для *ʔ*, потерявшего к этому времени консонантную артикуляцию в связи с общим процессом падения гортанных: *ʔš* 'который', *ʔbmkdš* 'в святилище'.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. В сочетаниях двух имен, первое из которых находится в *status constructus*, при встрече одинаковых или близких по месту образования согласных происходит прогрессивная ассимиляция первого согласного второму, в результате чего первый согласный выпадает: **mlk kty > mlkty* 'царь Китиона', **mlk krt > mlkrt*, *Melkart* (имя бога, букв. 'Царь-города'), **ʔdn mlkm > ʔdmlkm* 'господин царей'.

2.2.2. В первичных именах преобладают трехгласные корни (полужирным шрифтом выделены соответствующие финикийским консонантным записям элементы в иноязычной передаче):

**qatl-*: *ʔlp* 'бык' (*λασουναλφ* 'бычий язык (растение)'), *ʔbd* 'раб', *šmš* 'солнце' (*Ab-di-sa-am-si* 'Раб-Солнца', имя собственное);

**qitl-*: *mlk* 'царь, бог Милк' (*A-ḥi-mil-ki* 'Брат-Милка', имя собственное);

**qutl-*: *zrʔ* 'семья' (*zura*);

**qatal-*: *adom* 'человек';

**qatāl-* (> **qatōl > qatūl*): **lašūn* 'язык' (*λασουναλφ* 'бычий язык (растение)'), *šlš* 'три' (*salus*).

Имеется незначительное количество одногласных (*p* 'рот') и двусогласных (*dl* 'дверь', *ud* 'рука', *ʔu* 'остров') корней.

В аффиксальных морфемах представлены следующие согласные: *t* (*t-*, *-t*, **-īt*, **-ūt*), *n* (*n-*, **-ōn*), *m* (*m-*, **-ōm*), *y* (*y-*, **-ay*, **-ī*), *h*, *ʔ*.

2.2.3. Анаптиктический гласный в status absolutus имен типа **qatl-*, **qitl-*, **qutl-* появляется только в позднепуническом: *kbr* 'могила', поздн.-пун. *kbr*, *ndr* 'обет', поздн.-пун. *ndr*, *šrš* 'корень', поздн.-пун. *soiris/syris*.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

По морфологическому типу Ф.я. можно охарактеризовать как флективно-синтетический язык.

2.3.1. По составу и разграниченности разрядов слов Ф.я. мало чем отличается от других ханаанейских языков. Самостоятельные слова в целом противопоставлены служебным. По набору грамматических категорий, синтаксической функции и семантике самостоятельные слова делятся на существительные, прилагательные, глаголы, местоимения, числительные и наречия. Существительные, прилагательные, числительные и местоимения имеют категории рода, числа, падежа и состояния (на местоимения не распространяется категория состояния и, кроме личных местоимений, падежа). Глагол имеет категории времени, числа, рода, залога и наклонения. Кроме того, глагол всегда представлен одной из семантически и морфологически выделяемых пород.

Функционально различаются следующие служебные слова: предлоги, союзы, частицы — отрицательные, запретительная, указательная, и определенный артикль.

2.3.2. Для существительных выделяются три с о с т о я н и я (статуса): абсолютное, или неопределенное (status absolutus, или indeterminatus), определенное (status determinatus) и сопряженное (status constructus).

Находящимся в абсолютном состоянии считается имя, не имеющее артикля или несогласованного определения. Имя в абсолютном состоянии, в отличие от других состояний имени, никак не маркировано (*?rn* 'саркофаг'). Имя в определенном состоянии имеет препозитивный артикль (*h-?rn* 'этот саркофаг').

Стоящим в сопряженном состоянии считается имя, являющееся первым членом генитивной конструкции или находящееся перед местоименной энклитикой: *khn ššrt* 'жрец Астарты', *nht lb* 'покой сердца', *spr-h* 'его надпись'. Особый показатель сопряженного состояния на письме получают только имена множественного числа мужского рода. Таким показателем является отсутствие маркера множественного числа *-m*: *bfl ?gddm* 'главари банд', *?l gbl* 'боги Библа'. На основании латинских и греческих транскрипций можно сделать вывод, что эта форма содержала показатель **-ē*: Φανηβαλος (= *pn bfl*), 'Лик (pluralia tantum)-Баала', *bane-m* 'его сыновья'.

Категория р о д а в именах выражена оппозицией мужского рода (с нулевой флексией в единственном числе, с суффиксом *-m* во множественном числе) и женского рода (с суффиксом *-t* в обоих числах). О предположительном вокалическом облике этих формантов см. 2.3.3. В отличие от древнееврейского, арамейского и диалекта надписи из Дейр-Алла древний показатель единственного числа женского рода, представленный алломорфами **-t-* и **-at-*, сохранялся на протяжении почти всего периода существования Ф.я.; лишь в позднепуническом появляются отдельные формы без *-t*, свидетельствующие о трансформации суффикса *-at* в *-a*: *šdykf* 'праведная', *tm?* 'безупречная'. Некоторые имена женского рода не имеют морфологического показателя рода (*?bn₁ ?rk-t₂* 'длинный₂ камень₁', *t-htsp₁ htr₂ mšp₃* 'Пусть будет вырван₁ скипетр₂ его правления₃').

Ряд имен мужского рода имеют во множественном числе показатель женского рода (*?rn₁ zn₂* 'этот₂ саркофаг₁' — мн. ч. *?rn-t*, *mzbh₁ zn₂* 'этот₂ жертвенник₁' — мн. ч. *mzbh-t*), что делает традиционное обозначение этого показателя как показателя «множественного числа женского рода» несколько условным.

У указательных местоимений категория рода получает выражение только в библском диалекте: м. р. *zn* 'этот', ж. р. *zʔ* 'эта'. Система выражения рода в глаголе с помощью аффиксов вполне соответствует такой же системе в древнееврейском: *y-ptḥ* 'он откроет', *t-brḥ* 'она убежит' и др.

2.3.3. Категория ч и с л а представлена в глаголе и имени (у существительных, прилагательных, местоимений). Различаются единственное, множественное и двойственное число (последнее только у существительных). Показатель числа у имен совмещен с показателем рода: м. р. *-m*, ж. р. *-t* (см., однако, замечания в 2.3.2.). О множественном числе мужского рода на *-īm* свидетельствуют финикийские формы в латинской передаче (*alon-im* 'боги', *gubul-im* 'границы'), а также изредка встречающиеся полные написания в позднепуническом (*khnytm* 'основания, цоколи (?)'). Суффикс множественного числа женского рода *-t* на письме неотличим от суффикса единственного числа женского рода, однако некоторые латинские написания позволяют предположить, что суффикс единственного числа женского рода имел вид *-t* (*Qar-ti-ḥa-da-as-ti*, т. е. *kar-t-ḥadaš-t* 'Новый-город') или *-at* (*ʔA-ma-ti-ba-a[l]* 'Рабыня Баала', имя собственное), позднее, возможно, *-ot* (*Amotbal* 'Рабыня Баала', имя собственное, *feliōth₁ iadem₂* 'дело₁ его рук₂'). Суффиксом множественного числа женского рода был, вероятно, как и в древнееврейском, *-ōt*, который в пуническом был близок к *-ūt* (*alon(i)uth* 'богини'; *bynuthi* 'мои дочери'; позднепунические полные написания *šmʔt* 'имена', *ššnwt* 'годы'). Имеются примеры основы множественного числа, расширенной за счет суффикса *-n* (**-ōn*): *ʔlnm*, *alonim* 'боги', *alon(i)uth* 'богини' (ед. ч. м. р. *ʔl* и *ʔln*, ед. ч. ж. р. *ʔlt*). Очень небольшое количество примеров двойственного числа демонстрируют суффикс *-ēm* для обоих родов, в status constructus предположительно *-ē*: *Balcarnensis* (**baʔl-ḳarn-ēm*) 'Баал Двурогий'; *mʔtm* 'двести'; в status constructus *ḥt₁ pʔm₂* (**paʔm-ē*) *ʔdny₃* 'под₁ ногами₂ моего господина₃'. У указательных местоимений противопоставление по числу выражается с помощью супплетивных основ: основа единственного числа *z-*, основа множественного числа *ʔl-*.

У глаголов число выражается аффиксами, обозначающими, как и в древнееврейском, также синкретично лицо и род: *fel-a* 'она сделала', *fel-u* 'они сделали'.

2.3.4. П а д е ж н ы е значения выражаются синтаксически — сочетанием с предлогами, и морфологически — сопряженным состоянием имени.

Принадлежность выражается: генитивной (изафетной) конструкцией, где существительное-определение помещается после определяемого слова, находящегося в сопряженном состоянии: *mplt hbtm* 'руины храмов' (КАИ 4:2), *irs aelichot* (= *hrš hhlkt*) 'гостевая табличка' (Роеп. 937); предлогом *l-*: *mnsbt l-ʔ* 'его стела' (JA 1916/2 495 сл.), *gubulim lasibitthim* (= *gbl-m l-šbt-m*) 'границы его жилища' (Роеп. 938); конструкцией с относительным местоимением *ʔš/š*: *mnsbt š-btbʔl* 'стела Батбаал' (JA 1918/1 252 1), *bʔlḥnʔ š-bdmlḳrt* 'Баалханно, (слуга) Бодмелькарта' (КАИ 64:1 сл.); местоименными энклитиками: *ʔbd-k* 'твой раб', *donni* (= *ʔdn-y*) 'мой господин', *rbt-n* 'наша госпожа'.

Прямое дополнение может быть выражено: существительным в определенном состоянии с nota accusativi *ʔyt/ʔt/t*: *wbrk₁ bʔl₂... ʔyt ʔztd₃* 'Да благословит₁ Ба'ал₂ Азативад₃' (КАИ 26 А III 2 сл.), *šlmt₁ ʔt ndry* 'Я выполнил свой обет' (Nr 86:3 сл.), *yth alonim₁ ualonuth₂... carothi₃* 'Я призываю₃ богов₁ и богинь₂' (Роеп. 930); местоименными энклитиками: *pʔl-n* 'он сделал меня', βараχ-ω '(он) благословил его', *ʔMil-ki-ḥa-aj-ji-ia* 'Милк-подари-ей-жизнь'; местоименными энклитиками в сочетании с nota accusativi: *brk ʔtʔ* '(он) благословил ее'. О распределении *ʔyt/ʔt* в КАИ 10 см. 2.3.7. В древне-

библских надписях и надписях из Зинджирли *nota accusativi* еще не употребляется, что коррелирует с отсутствием в этих памятниках определенного артикля: *ḥwy₁ kl₂ mplt₃ btm₄ ?l₅* '(Он) восстановил₁ все₂ эти₃ обветшавшие₃ здания₄' (КАИ 4:2). Отсутствие *nota accusativi* в начале I тыс. до н. э. может объясняться сохранением падежных окончаний. В последующий период употребление *nota accusativi* факультативно (см., например, КАИ 10).

Пространственные значения, а также косвенное дополнение выражаются с помощью предлогов: *l-* (цель, адресат, реципиент, бенефактив, агенс при пассиве), *?l-* (место 'на, над', направление, бенефактив, источник), *b-* (инструмент, место 'в', время, партитив, материал изготовления, цена, причина, роль), *tht* ('под', 'вместо').

В диалекте г. Библа первоначально, по-видимому, сохранялись падежные окончания. Об этом свидетельствует отсутствие *nota accusativi* в древнебиблском (и в надписях из Зинджирли); кроме того, формы перфекта глаголов с III слабым радикалом в целом указывают на сохранение в этом диалекте конечных кратких гласных. Особая форма родительного падежа имен единственного числа с притяжательным суффиксом 1-го лица на *-y* (**-iya*), в противоположность нулевому окончанию в именительном и винительном падежах для имен единственного числа с тем же суффиксом (*?b* (**?abī*) 'мой отец', *?by* (**?abīya*) 'моего отца'), может говорить о сохранении падежных окончаний, по крайней мере, в единственном числе.

2.3.5. Система глагольных п о р о д в целом демонстрирует сходство с древнееврейским языком. В то же время, отмечаются довольно существенные отличия: префикс каузативной породы *y-* (в др.-евр. *h-*); в древнебиблском представлена порода с инфигированным *-t-*, присутствующая также в моавитском и угаритском, но отсутствующая в древнееврейском. Скудость сведений о вокализме затрудняет идентификацию глагольных пород. Например, порода D до появления *mater lectionis* неотличима от породы G, а в формах имперфекта обе указанные породы графически не отличаются ни от породы N, ни от каузативной породы (Y). С этим же связаны и сомнения в наличии в Ф.я. форм внутреннего пассива для пород D и Y.

Недостаток материала не позволяет решить вопрос о диахроническом и функциональном распределении пород *tD* и *Gt* в Ф.я. В древнебиблском при отсутствии форм с префигированным *-t-* (*tD*) имеются две формы с инфигированным *-t-* (*Gt*): *th-t-sp* 'Пусть (скипетр) будет вырван (?)', *th-t-pk* 'Пусть (трон) перевернется', обе в КАИ 1:2. В Ф.я. зафиксирована только одна не вызывающая сомнений форма *tD*: поздн.-пун. *h-t-ḳdš* 'был посвящен' (КАИ 138:1). Что касается формы *ytlnn* 'они рычали (?)' (КАИ 24:10), то исправление, недавно предложенное Й. Троппером (читать не *ytlnn*, а *ytlnn*), и истолкование им этой формы как *Gt* от корня *hlk* с ассимиляцией *h* хорошо согласуются с представлением о том, что порода *Gt* в Ф.я. является чертой архаизма, свойственной древнебиблскому и еще сохранявшейся в так называемом северном финикийском (КАИ 24 датируется IX в. до н. э.).

Противопоставление активного и пассивного з а л о г о в выражается, прежде всего, с помощью породных аффиксов *n-* и *-t-*. Данные о наличии «внутреннего пассива» немногочисленны и вызывают сомнения. В наиболее ясных примерах — серии эпитафий, начинающихся со слов *ḥ(?)n? ?bn z l-* 'этот камень установлен + *l-* бенефактива + имя собственное' (КАИ 133, 134, 154), и др. — предполагаемый внутренний пассив *ḥ(?)n?* может быть истолкован также как 3-е лицо множественного числа породы G ('установили'). О пассивном причастии см. ниже.

Весь спектр в и д о - в р е м е н н ы х значений выражен в двух типах спряжения личных глагольных форм, традиционно обозначаемых как «перфект» (суффиксальное спряжение) и «имперфект» (префиксальное спряжение).

Суффиксы перфекта, засвидетельствованные в финикийской эпиграфике, позволяют предполагать их тождество с соответствующими древнееврейскими показателями. Данные о вокализации в целом подтверждают это предположение: 1-е л. ед. ч. *cora-thi* ‘я призываю’ (Роеп. 930/940), *ytn-ty* ‘я дал’ и др. (ср., впрочем, *naso-t* ‘я взял’ в Роеп. 947); 3-е л. ед. ч. ж. р. *fel-a* (< **paʕal-a*); 3-е л. мн. ч. *fel-u* (< **paʕal-ū*). Обращает на себя внимание основа перфекта породы G. Наряду с ожидаемым **pāʕal* (*nʕdʕr* ‘он пообещал’, ¹*Ia-ta-na-e-li* ‘Дал-Эли’) довольно широко представлена также основа **pāʕol* (*vaḏw* ‘он пообещал’, *ṣaḏw* ‘он услышал’, *nasoʔ* ‘я принес’ в Роеп. 947).

Консонантизм префиксов и суффиксов имперфекта также соответствует древнееврейскому. Прямых свидетельств о вокализме имперфекта нет. Глагольные формы префиксального спряжения с показателем *-n(-)*, ограниченные 3-м лицом множественного числа, имеют, как правило, волитивное значение: *yks-n* ‘пусть (боги) погубят’ (КАИ 14:22), *yšʔ-n* ‘пусть (они) отчислят (из золотого запаса)’ (КАИ 60:6); они также употребляются в протасисе условного предложения: *?m ?dmm ydbr-n-k* ‘если какие-то люди будут убеждать тебя’ (КАИ 14:6). Как отмечает Дж. Хюнергард, такое употребление форм с *-n* может указывать на то, что характерное для протоханаанейского различие между имперфектом **yaqtulūna* и юссивом-претеритом **yaqtulū* в 3-м лице множественного числа в финикийском не сохранилось.

Перфект обычно употребляется для обозначения прошедшего времени, как непосредственного, так и нарративного (однократного, длительного, а также давно прошедшего): *?rn₁ [z]n₂ mgn₃ ?mtbʕl₄ ... lʕʕrt₅* ‘Этот₂ саркофаг₁ Амаатбаал₄ принесла в дар₃ Астарте₅’ (КАИ 29:1 сл.), *yth irs₁ aelichot₂ sith₃ naso[t]₄ (*?t hrs hhlkt st nšt)* ‘Я принес₄ эту₃ гостевую₂ табличку₁’ (Роеп. 937), *?lmt₁ ytn₂ bš₃ wgbr₄ bswt₅* ‘Девушку₁ отдавал(и)₂ за барана₃, а мужчину₄ — за одежду₅’ (КАИ 24:8), *wʕn₁ ?nk₂ ?rʕt₃... ?š₄ bl₅ ?n₆ kl₇ hmlkm₈* ‘...И я₂ покорил₁ те земли₃... которые₄ не₅ покорил₆ ни один₇ из царей₈’ (КАИ 26 А I 18 сл.). Имеется несколько примеров «перформативного перфекта»: *brkt₁-k₂ lbʕl spn₃* ‘(Я) благославляю₁ тебя₂ (именем) Баал-Цафона₃’ (КАИ 50:2 сл.), *yth alonim₁ ualonuth₂... carothi₃ (*?t ?lnm wʕnt krt_y)* ‘(Я) призываю₃ богов₁ и богинь₂...’ (Роеп. 930). Пример пожелательного перфекта: *wbrk₁ bʕl₂... ?yt ?ztd₃* ‘Да благословит₁ Баал₂... Азитаваду₃’ (КАИ 26 А III 2 сл.). Не исключено наличие пожелательного перфекта в вотивной формуле, встречающейся в сотнях посвяtitельных надписей: *kšmʔ₁ klʔ₂* ‘пусть услышит₁ его голос₂’ (обычно такой перфект трактуется как обозначение прошедшего времени).

Имперфект в основном обозначает однократное или длительное действие в будущем: *my₁ b₂-bn₃-y₄ ?š₅ yšb₆ tht₇-n₈* ‘Тот₁ из₂ моих₄ сыновей₃, который₅ воссядет₆ (будет сидеть) (на троне) после₇ меня₈’ (КАИ 24:13 сл.), *my₁ ?t₂ kl₃ ?dm₄ ?š tpk₅ ?yt₆ hʕrn₇* ‘Кто₁ бы ты₂ (ни был), любой₃ человек₄, (когда) ты натолкнешься₅ на₆ этот саркофаг₇’ (КАИ 13:3). По-видимому, небольшой объем материала и специфика эпиграфических жанров обусловили отсутствие ясных примеров употребления имперфекта для обозначения действия в настоящем времени. Имеется, по крайней мере, один пример имперфекта, обозначающего длительное действие в прошлом: *b₁-mkm₂... ?š₃ yšʕ₄ ?dm₅ llkt₆ drk₇ wb₈-ymt₉-y₁₀ ?nk₁₀ ?št₁₁ tk₁₂ lhdy₁₃* ‘В₁ тех местах₂... где₃ человек₅ боялся₄ ходить₆ по дороге₇, в₈ мои₁₀ дни₉ женщина₁₁ ходит₁₂ в одиночку₁₃’ (КАИ 26 А II 3–6).

Формы, используемые для выражения пожелания и запрещения, идентичны формам имперфекта: *yʾrk*₁ *bʾl šmm*₂... *ymt*₃ *yhmlk*₄ 'Пусть продлит₁ Баал-Шамем₂... дни₃ Йехимилка₄' (КАИ 4:3 сл.), *?l*₁ *trgz-n*₂ 'Не₁ беспокой меня₂' (КАИ 13:4, 6), *?l*₁ *ykn*₂ *lm*₃ *šrš*₄ *lmʾ*₅ *wpr*₆ *lmʾl*₇ 'Да не₁ будет₂ у них₃ ни корня₄ внизу₅, ни плода₆ наверху₇' (КАИ 14:11 сл.). Что касается использования форм префиксального спряжения с союзом *w-* 'и' для обозначения последовательности действий в повествовательных текстах (что ожидалось бы от языка, столь близкого древнееврейскому), то примеры, которыми мы располагаем, не являются достаточно убедительными: *ml*₁ *šʾr*₂ *z*₃ *glb*₄ *wypg*[ʾ₅ *brbt*₆ ʾš]*trt*₇ '*ml*₁ (имя собственное) сбрил₄ эти₃ волосы₂ и обратился с мольбой (?)₅ к госпоже₆ Астарте₇' (Китион, Кипр); *wyb?*₁... *wypʾl*₂... 'он пришел₁... он сделал₂...' (фрагментарная надпись из Хасан Бейли, Турция).

Формы повелительного наклонения весьма немногочисленны, в одном случае с наращением *-n*: *?l ?ršt*₁... *?mr*₂ 'скажи₂ Аришат₁' (КАИ 50:1–2); *kr?*₁ *t pʾs*₂ 'прочти₁ эту надпись₂' (КАИ 165:1 сл.); *avo*₁ *donni*₂ (= *hw?* *?dny*) 'Здравствуй₁, мой господин₂' (Роеп. 998, 1001); *aun* (= *hwn*) 'здравствуйте' (IRT 889:4). Для выражения косвенного повеления и запрещения используются формы, идентичные формам имперфекта: *tšm?*₁ *kl?*₂ *tbrk?*₃ 'Услышь₁ его голос₂, благослови его₃' (КАИ 84).

2.3.6. Д е й к т и ч е с к и е категории свойственны личным, указательным, неопределенным местоимениям, наречиям и глаголу.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица образуются от основы **ʾan-*, мужской и женский род во 2-м лице графически неразличимы, местоимения 2-го лица множественного числа не представлены. В качестве личных местоимений 3-го лица используются анафорические указательные местоимения с основой *h-*. Заслуживают внимания формы личных местоимений, расширенные за счет *-t* (3-е л. ед. ч. м. р. *hʾt*, 3-е л. мн. ч. м. р., ж. р. *hmt*), которые, в отличие от аккадского, угаритского и сабейского языков, употребляются не только в косвенном падеже, но и в номинативе: *hʾt*₁ *hwu*₂ *kl*₃ *mplt*₄ *hbtm*₅ *?l*₆ 'Он₁ восстановил₂ все₃ эти₄ обветшавшие₅ строения₆' (КАИ 4:2); *whmt*₁ *št nbš*₂ *km*₃ *nbš*₄ *ym*₅ *bʾm*₆ 'И они₁ относились₂ (ко мне), как₃ относится₄ к матери₆ ребенок, растущий без отца₅' (КАИ 24:13). Генитивные местоименные энклитики присоединяются к именам существительным, аккузативные (объектные суффиксы) — к глаголам. Генитивные и аккузативные энклитики различаются только в 1-м лице единственного числа: ген. *-y* (**-īya*), **-ī*, акк. *-n*.

Для форм указательных местоимений можно предположить следующее распределение: для ближнего дейксиса используются местоимения с основами *z-/?l-*, для дальнего — формы с основой *h-*, которые также служат личными местоимениями 3-го лица. В имеющихся примерах употребления указательных местоимений есть некоторая асимметрия: если местоимения с основами *z-/?l-* употребляются для указания на (близкое) расположение объекта относительно говорящего (*bʾrn*₁ *zn*₂ *?nk*₃ *btnʾm*₄ *škbt*₅ 'В этом₂ саркофаге₁ покоюсь₅ я₃, Батноам₄' в КАИ 11), то местоимения с основой на *h-* употребляются не дейктически, а анафорически (обозначают ранее упомянутый референт в тексте): [*kny*₁ *?t*]₂ *kl mmlkt*₃ *wkl ?dm*₄ *?š ysp*₅ *lpʾl*₆ ***mlʾkt***₇ *ʾlt*₈ *mzbh*₉ *zn*₁₀ ... *šm*₁₁ *?nk*₁₂ *yhwmlk*₁₃ *mlk*₁₄ *gbl*₁₅ [*tšt*₁₆ *?t*]₁₇ *ʾl*₁₈ ***mlʾkt***₁₉ ***hʾ***₂₀ 'Кто бы₁ ты₂ ни был, царь₃ или простой смертный₄, если возобновишь₅ (декоративную) **работу**₇ на₈ этом₁₀ алтаре₉... ты должен поставить₁₆ мое имя₁₁ «Я₁₂, Йехавмилк₁₃, царь₁₄ Библа₁₅» рядом со своим₁₇ на₁₈ **эту**₂₀ **работу**₁₉' (КАИ 10:11–13). Вероятнее всего, это объясняется особенностями корпуса, в котором отсутствуют тексты, содержащие диалоги, или описывающие ситуации общения. Характер корпуса сказывается и в весьма специфичном употребле-

нии местоимений ближнего дейксиса: как правило, они указывают на вотивный предмет, который воспринимается как ближний не по отношению к говорящему (автору надписи), который всегда отсутствует, а по отношению к предполагаемому читателю надписи: *ʔrn₁ [z]n₂ mgn₃ ʔmtbʔl₄... lšʔrt₅* 'Этот₂ ящик₁ посвятила₃ Амотбаал₄... Ас-тарте₅' (КАИ 29:1). Поскольку анафорическая функция во многих языках совмещена с дейктической, следует предполагать, что местоимения с основой на *h*- употреблялись для дальнего дейксиса в канонической ситуации общения.

Неопределенные местоимения: *tu*, *ʔntu* 'кто-либо', *t*, *mnt* 'что-либо' (форма *t* употребляется только в выражении *tʔš* 'все, что').

Категория л и ц а в глаголе выражена флексией. В отдельных случаях лицо субъекта выражено личным местоимением, лицо объекта, как правило, выражено местоименной энклитикой.

Категория о п р е д е л е н н о с т и у имен существительных выражается с помощью артикля, см. 2.3.2. Проклитический определенный артикль на письме, как правило, имеет форму *h*- (в поздн.-пун. *ʔ*-, *ʕ*-, *h*-), в латинской передаче *a*- (*a-elihot* 'гостеприимство' в Роеп. 937). О геминации следующего за артиклем согласного свидетельствует написание *ʕ-mmqm* 'это место' (КАИ 173:5). Абсолютное (неопределенное) состояние имени отмечено отсутствием артикля.

Категория в р е м е н и в глаголе неотделима от категории вида и представлена в противопоставлении суффиксального и префиксального спряжений (см. 2.3.5.).

Анафорическими средствами служат личные местоимения 3-го лица, местоименные энклитики, указательные местоимения.

О т р и ц а н и е в повествовательных предложениях выражается отрицательными частицами *bl*, *ʔu*, *ʔ(y)bl*: *kn₁ bmh₂ wbl₃ pʔl₄* 'bmh₂ (имя собственное) был₁ (царем) и (ничего) не₃ сделал₄' (КАИ 24:3), *ky₁ ʔy₂ šm₃ bn₄ mnm₅* 'ибо₁ ничего₅ в него₄ не₂ положили₃' (КАИ 14:5). Для выражения запрещения используется, как и в древнееврейском языке, частица *ʔl*, которая может эмфатически удваиваться: *ʔl ʔl₁ tpt₂ šty₃* 'Ни в коем случае не₁ открывай₂ (крышку саркофага) надо мной₃' (КАИ 13:3 сл.).

2.3.7. Имя с у щ е с т в и т е л ь н о е имеет категории числа, рода, определенности/неопределенности. О статусах имени существительного см. 2.3.2. Предполагается, что на ранней стадии развития Ф.я. (в древнебиблиском) сохранялись реликты трехпадежной системы (именительный, родительный, винительный падежи), см. 2.3.4. Имя существительное используется в функции различных членов предложения, принимает предлоги, послелогои, местоименные энклитики.

Морфологически имена п р и л а г а т е л ь н ы е отличаются от имен существительных характером категории рода (согласовательный вместо классифицирующего), отсутствием двойственного числа и тем, что они не присоединяют местоименные суффиксы. Некоторые примеры прилагательных: *laβov* 'белый', *ʔtn* 'маленький'. Имена прилагательные, обозначающие этническую или географическую принадлежность (так называемые нисбы) могут образовываться от топонимов и этнонимов с помощью суффикса **-īy* (в консонантной записи *-y*): *šdny* (< *šdn*) 'сидонец', *ʔrthdšty* 'карфагенянин'. Сравнительная и превосходная степени прилагательных морфологически не выражены.

Количественные ч и с л и т е л ь н ы е первого десятка имеют следующий вид: *ʔhd* 'один', *šnm* 'два', *šlš* 'три', *ʔrbʔ* 'четыре', *ʔhmš* 'пять', *šš* 'шесть', *šbʔ* 'семь', *šmnh* 'восемь', *tšʔ* 'девять', *ʔsr* 'десять'. Числительные второго десятка имеют структуру: «десять» + союз «и» + числительное первого десятка (*ʔsr wšbʔ* 'семнадцать', ср.

др.-евр. *šbʿ ʾsrh* с обратным порядком элементов и без союза «и»). Всего три известных до сих пор формы порядковых числительных — *šny* ‘второй’, *ʾrbʿy* ‘четвертый’, *ḥmšy* ‘пятый’ — позволяют предположить, что они образованы так же, как и в древнееврейском (*ḥāmiššī* ‘пятый’ и др.). Предполагаемые дробные числительные, обозначенные на весовых гириях, на письме неотличимы от количественных числительных, за исключением *rbʿ* (поздн.-пун. *rabo* ‘четверть’).

М е с т о и м е н и я представлены следующими разрядами: личные, указательные, вопросительные, относительные, определительные, неопределенные. Указательные местоимения имеют следующие формы: ед. ч. м. р. *zn* (др.-библ.), *z*, *ʾz*, *zʾ*, *s*, *st*, *ʾst*, *syth*; ед. ч. ж. р. *zʾ*, *z*, *šʾ*, *st*; *ʾst*, мн. ч. *ʾl*, *ʾlʾ*, *ily/illii*. Расширенная за счет *-n* основа *z* отмечена только в древнебиблском. Любопытно появление форм на *-t* для обоих родов в позднепуническом.

Обособленные личные местоимения выполняют в предложении роль подлежащего или связки. Энклитические личные местоимения при имени используются в качестве определения, при глаголе — в качестве прямого дополнения, при предлоге — в качестве косвенного дополнения.

Вопросительные местоимения *tu*, *mi* ‘кто’ и *m*, *tu* (< **mō*) ‘что’ используются так же, как относительные и неопределенные.

Определительно-относительное местоимение *š*, соответствующее древнееврейскому *šā*, в Ф.я., по большей части, имеет форму *ʾš* с протетическим *ʾ*. Форма *šʾ* в поздне-пуническом объясняется появлением на этом этапе *matres lectionis*. Данные о вокализации противоречивы: для *ʾš* — *es*, *is*, *ys*, *ʊs*; для *šʾ* — *si*, *su*, *sy*. В имеющихся текстах наблюдается следующее функциональное распределение этих форм: *ʾš* — относительное местоимение, *š/šʾ* — определительное. Однако имеется ряд исключений, например: *bt... š-bn* ‘храм... **который** построил...’ (КАИ 46:7).

Н а р е ч и я не имеют особых морфологических показателей, за исключением наречия с суффиксом *-m*: *ḥn-m* ‘зря, (за)даром’. Ряд наречий образован с помощью предлогов: *l-pnm* ‘прежде’, *l-mʾl* ‘наверху’, *l-mʾ* ‘внизу’, *l-ʾlm*, *ʾd ʾlm* ‘навечно’, *ʾd pʾmt brbm* ‘множественно’.

П р е д л о г и проклитические: *b* ‘в’, *l* ‘для’, *k* ‘как’, *m* ‘от, из’; обособленные: *ʾhr* ‘после’, *ʾl* ‘к’, *ʾt* ‘с’, *bn* ‘между’, *dl* ‘(вместе) с’, *ʾd* ‘до’, *ʾl(t)* ‘на, над’, *tht* ‘под, после’. Предлоги, образованные от существительных с помощью проклитических предлогов: *lpn* ‘перед’, *ʾl pn* ‘напротив, перед’, *ʾt pn* ‘напротив, перед’, *ʾlt pn* ‘помимо, кроме’, *lʾn* ‘перед’, *bʾšl* ‘около’, *btkt* ‘среди’, *bʾbr* ‘благодаря’, *md* ‘(день) за (днем)’, *lpy* ‘согласно’, *km* ‘как’, *bd* ‘посредством (агенса при пассиве)’. Характерно образование композитов из проклитических предлогов: *l-m-b-ḥyu* ‘на протяжении моей жизни’, *l-m-nʾru* ‘с его юности’.

Показатель прямого определенного именного объекта (*nota accusativi*) претерпел следующие фонетические изменения: *ʾyt* (**iyot*) > *ʾt* (*ʾVt*) > *t* (*Vt*). В одной из библиских надписей V в. до н. э. (КАИ 10), т. е. периода, когда происходил переход *ʾyt* > *ʾt*, употребляются обе формы. Д. Тестен обращает внимание на то, что в данной надписи *ʾt* появляется после суффикса перфекта 1 л. ед. ч. *-tī* (*krʾt₁ ʾt₂ rbty₃* ‘Я воззвал₁ к₂ моей госпоже₃’), а *ʾyt* — в остальных случаях (*wšmʾ₁ ʾt₂ kl₃* ‘Она-услышала₁ мой-голос_{2,3}’). Вероятно, в такой позиции элидируется *i* с выпадением *y* (**karotī* (*iy*)*ot*), что приводит к образованию формы *t* [ot].

С о ю з ы: *w* ‘и, но, а’; *k*, *chy* ‘что, так как, когда’; *ʾm* ‘если, или’; *km* ‘как’; *km ʾš* ‘подобно тому как, когда’; *ʾhr ʾš* ‘после того как’; *lm* ‘чтобы не’.

2.4.0. Образцы парадигм (на примере глагола *pʕl* ‘делать’; более мелким шрифтом рядом с примером приводятся зафиксированные в иноязычной передаче формы с огласовкой).

Г л а г о л

(основная порода)

Перфект

		Ед. число	Мн. число
3-е л.	м. р.	<i>pʕl</i>	<i>pʕl, felu</i>
	ж. р.	<i>pʕl, fela</i>	не засвидетельствовано
2-е л.	м. р.	<i>pʕlt</i>	не засвидетельствовано
	ж. р.		не засвидетельствовано
1-е л.		<i>pʕlt, pʕlty carothi</i>	<i>pʕln</i>

Имперфект

		Ед. число	Мн. число
3-е л.	м. р.	<i>ypʕl</i>	<i>ypʕl/ypʕln</i>
	ж. р.	<i>tpʕl</i>	не засвидетельствовано
2-е л.	м. р.	<i>tpʕ</i>	<i>tpʕl</i>
	ж. р.	<i>tpʕl</i>	<i>tpʕl/tpʕln</i>
1-е л.		<i>?pʕl</i>	<i>npʕl</i>

Императив

	Ед. число	Мн. число
М. р.	<i>pʕl</i>	не засвидетельствовано
Ж. р.	<i>pʕl</i>	не засвидетельствовано

Н е ф и н и т н ы е ф о р м ы г л а г о л а

Причастие

		Ед. число	Мн. число
Активное	м. р.	<i>pʕl, duber</i>	<i>pʕlm, dobrim</i>
	ж. р.	<i>pʕlt</i>	<i>pʕlt</i>
Пассивное	м. р.	<i>pʕl, baric</i>	<i>pʕlm</i>
	ж. р.	<i>pʕlt</i>	<i>pʕlt</i>

Большинство примеров в иноязычных написаниях свидетельствуют о вокализме *-*ū-ē*- для активного причастия: *duber* ‘говорящий’, *hulech*, (*u*)*ulech* ‘идущий’, *sufet* ‘правитель’, *rufe* ‘врач’ (имеются также примеры на вокализм *-*ō-ē*-: *οζερβαλος*). Пассивное причастие имеет огласовки *-*a-ī*-: *bʕryk* ‘благословенный’, *Baric*, *Baric bal* (имя собственное, букв. ‘благословен-Баалом’).

Инфинитив

Абсолютный	<i>pʕl</i>
Сопряженный	<i>l-pʕl, liful</i>

Местоимения

Личные

		Обособленные	Энклитические
Ед. число			
1-е л.		<i>ʔnk, ʔnky, anec(h)</i>	род. п. *-ī, -y (*-iya) вин. п. -n
2-е л.	м. р.	<i>ʔt</i>	-k
	ж. р.	<i>ʔt</i>	-k, -ky
3-е л.	м. р.	<i>hʔ, hʔt, hu, hy</i>	-h, -ʔ (*-ō), -w, -y, -m
	ж. р.	<i>hʔ, hy, y</i>	-h, -ʕ, -ʔ (*-ā), -y
Мн. число			
1-е л.		<i>ʔnhn</i>	-n
2-е л.	м. р.	не засвидетельствовано	-chom
	ж. р.	не засвидетельствовано	не засвидетельствовано
3-е л.	м. р.	<i>hmt</i>	-m, -nm, -nom
	ж. р.	<i>hmt</i>	-m, -nm

Многообразие форм энклитических местоимений 3-го лица единственного числа объясняется либо выпадением *h* в интервокальной позиции, либо его переходом в *y*, либо стяжением дифтонга после выпадения *h* (*y*). Дж. Хюнергард убедительно обосновал следующее распределение местоименных суффиксов 3-го лица:

		После согласного (фин. и пун.)	После гласного	
			фин.	поздн.-пун.
Ед. число				
3-е л.	м. р.	-ō	-yū	-m
	ж. р.	-ā	-yā	-yā
Мн. число				
3-е л.	м. р.	-ōm	-nōm	-nōm
	ж. р.	-ēm	-nēm	-nēm

Элемент *-n* при предлогах *b-* и *l-*, интерпретируемый некоторыми авторами (Й. Фридрих и В. Рёллиг, Р. Гарр) как энклитическое местоимение 3-го лица единственного числа мужского и женского рода, возможно, следует считать расширением основы этих предлогов (С. Сегерт, Дж. Хюнергард).

Указательные

		Ед. число	Мн. число
М. р.	<i>zn</i> (др.-библ.), <i>z, ʔz, zʔ, s, st, ʔst, syth</i>	<i>ʔl, ʔlʔ, ily/illii</i>	
Ж. р.	<i>zʔ, z, šʔ, st, ʔst</i>		

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Типичная структура словоформы, как и в других семитских языках, — трехгласный корень с согласными префиксами, инфиксами и постфиксами, а также с гласными префиксами, трансфиксами и постфиксами. Кроме того, к числу морфологических средств относится геминация корневых согласных.

2.5.2. В именном словообразовании, как и в других семитских языках, преобладает трансфиксация. Иноязычные написания финикийских слов свидетельствуют о наличии следующих моделей.

*qītl-: *šdk* ‘правота, праведность’, *Si-id-qa-a-a* ‘Праведность (имя собственное)’.

*qatal- > м. р. *qatol*, ж. р. *qatal-t*: *λαβον* ‘белый’, *Qar-ti-ḥa-da-as-ti* (**qart-ḥadašt*) ‘Карфаген (букв. ‘новый город’)’.

*qatil-: *Aristo* (**?arišt*) ‘Желание (имя собственное)’.

*qatīl-: *nasi* ‘приношение’, пассивное причастие *Baric* ‘Благословенный (имя собственное)’.

*qatūl-: *Ḥa-a-nu-u-nu* ‘Милостивый (имя собственное)’, *ḤAb-di-(d)A-zu-zi* ‘Раб-Сильного (имя собств.)’.

*qātīl- > qūtel: активное причастие *duber* ‘говорящий’, *sufet-* ‘правитель’.

*qattīl-: *Ab-addir* ‘Отец-Могучий (теоним)’.

Имена с префиксом *m-* обозначают действие или его результат (*mšpt* ‘правосудие’ < *špt* ‘судить’, *mšrt* ‘литургия’ < *šr* ‘петь’), инструмент (*mškl* ‘вес’ < *škl* ‘весить’, *mḥsm* ‘пластина, накладываемая на рот покойного, препятствующая (*ḥsm*) проникновению демонических сил’, ср. др.-евр. *maḥsōm*), место действия (*mb?* ‘вход’ < *b?* ‘входить’, *mškb* ‘ложе, место упокоения’ < *škb* ‘лежать, покоиться’). Имена с префиксом *t-* немногочисленны: *tklt* ‘завершение’, *tšmt* ‘мощь’, *tš?t* ‘расходы, затраты’.

Абстрактные имена имеют суффикс *-t*, предположительно **-īt*, **-ūt*: *r?št* ‘высшее качество, отборность’, ср. др.-евр. *rēšīt*, *ršt* ‘решение’, ср. др.-евр. *rəšūt* ‘стремление’, библ.-арам. *rəšū* ‘желание, решение’.

Суффикс **-ī* используется как показатель принадлежности, в том числе этнической (**mlky*, во мн. ч. ж. р. *mlkyt* ‘царский’, *šry* ‘тириец’) и при образовании порядковых числительных (*šny* ‘второй’). Суффикс *-n* (**-ōn/-ōni*) имеет разнообразные значения: *alonim* ‘боги’ (см. 2.3.3.), *skrn* ‘память’, *štrny* ‘принадлежащий Астарте’.

О глагольном словообразовании см. 2.3.5.

2.5.3. В именных предложениях сказуемым может быть имя, предложная или адвербиальная конструкция. Порядок слов в именном предложении SP (*?nk₁ klmw₂* ‘Я₁ — Куламува₂’, КАИ 24:1) или PS (*mlk₁ šdk₂ h?₃* ‘Он₃ — справедливый₂ царь₁’, КАИ 10:9). Определение, как правило, следует за определяемым словом: *h?lnm₁ hkdšm₂* ‘святые₂ боги₁’ (КАИ 14:9). Порядок слов в глагольном предложении VSO: *tbrk₁ bšlt₂ gbl₃ ?yt₄ yḥwmlk₅* ‘Да благословит₁ Госпожа₂ Библаз₃ Йехавмилка_{4,5}’ (КАИ 10:8). Косвенный объект также располагается после субъекта: *mlk₁ gbr₂ ?l₃ y?dy₄* ‘*gbr₂* (имя собственное) правил₁ (страной) Яуди_{3,4}’ (КАИ 24:2). Возможны инверсии (SVO, SOV): *?nk₁ yšbt₂ ?l₃ ks?₄ ?by₅* ‘Я₁ воссел₂ на₃ троне₄ своего отца₅’ (КАИ 24:9). В отдельных случаях возможна конструкция *casus pendens*: *wh?₁ ymh₂ sprh₃* ‘А что касается его₁ — да будет уничтожена₂ его надпись₃’ (КАИ 1:2).

2.5.4. Сложносочиненные предложения (как правило, речь идет о сверхфразовых единствах, образованных несколькими сочиненными предложениями) обычно соединяются с помощью союза *w* ‘и; но’: *wml?₁ ?nk₂ ?krt₃ p?r₄ wp?l₅ ?nk₆ ss ?l ss?* ‘Я₂ напол-

нял₁ закрома₃ *pʿr*₄ (имя собственное); *y*₆ приумножал₅ количество лошадей₇’ (КАИ 26 А I 6–7). С помощью этого же союза выражается также синтаксическое подчинение, в частности, союзом *w* маркируется аподосис: *km ʔš₁ krʔ₂ ʔ₃ rbt₄...* *w-šmʔ₅ kl₆* ‘Когда₁ я воззвал₂ к₃ моей Госпоже₄... она услышала₅ мой голос₆’ (КАИ 10:7 сл.), букв. ‘то она услышала...’. Дизъюнктивные предложения образовывались с помощью союзов *ʔm...* *ʔm* ‘или... или’: *ʔm₁ bʔmdt₂...* *ʔm₃ bšnʔ₄* ‘или₁ из жадности₂... или₃ из ненависти₄’ (КАИ 26 А III 17).

В оформлении сложноподчиненных предложений участвует многозначный союз *k*, который вводит дополнительные предложения (*ydf₁ hšdny₂ k₃ ydf₄ hgw₅ lšlm₆ hlpt₇* ‘чтобы сидоняне₂ знали₁, что₃ община₅ способна₄ выдать₆ компенсацию₇...’, КАИ 60:7), предложения причины (*ʔl₁ trgzn₂ k₃ tšbt₄ ʔštr₅ hdb₆ hʔ₇* ‘Не₁ тревожь меня₂, ибо₃ это₇ — мерзость₅ для Ашторет₆’, КАИ 13:6) и временные (*ʔrn₁ z₂ pʔl₃ [ʔ]tbʔl₄...* *lʔhrm₅ ʔbh₆ k₇ šth₈ bšlm₉* ‘Этот₂ саркофаг₁ Иттобаал₄ сделал₃... для своего отца₆ Ахиром₅, когда₇ отправил его₈ в вечный путь₉’, КАИ 1:1). В этом же значении употребляется союз *km ʔš*. Определительные предложения вводятся союзами *z*, *ʔš*, *š* ‘который’: *mš₁ z₂ pʔl₃ ʔlbʔl₄* ‘Статуя₁, которую₂ сделал₃ Элибаал₄’ (КАИ 6:1); *sml₁ ʔz₂ ʔš₃ ytn₄ wytnʔ₅ mnʔm₆* ‘Вот₂ изображение₁, которое₃ преподнес₄ и установил₅ Менахем (?)₆’ (КАИ 41:1). Условные предложения вводятся союзом *ʔm* ‘если’: *ʔm₁ nʔl₂ tnʔl₃ mpštk₄ ʔlk₅ wmpšty₆ ʔly₇* ‘Если₁ ты войдешь₃ во владение₂, то твое имение (?)₄ — для тебя₅, а мое имение (?)₆ — для меня₇’ (КАИ 3:3–6).

2.6.0. Широкое распространение финикийской торговли, а также языковая ситуация в Средиземноморье эллинистического периода, для которой характерно повсеместное распространение греческого койне, должны были обусловить большой объем заимствований из греческого. Однако ограниченность доступной нам лексики Ф.я. (всего около одной тысячи лексем) не позволяет представить полную картину объема и характера греческих заимствований. Известные нам греческие заимствования связаны с торговлей и религиозным культом: **drkmn* ‘драхма (денежная единица)’ < греч. δραχμή, **lʔr* ‘фунт (мера веса)’ < греч. λίτρα, *knprs* ‘канефора’ < греч. κανηφόρος, *trpy* ‘трофей; памятник победы’ < греч. τρόπαιον. Все они ограничены надписями с Кипра и материковой Греции эллинистического периода.

Поначалу деловые контакты с Римом, а впоследствии многочисленные войны между Римом и Карфагеном не могли не оставить значительного следа в лексике Ф.я. Основные сферы латинских заимствований — административные термины (*synʔr* ‘сенатор’ < лат. *senator*, *ʔydl_s* ‘эдил’ < лат. *aedilis*, *kʔwʔrbr* ‘коллегия четырех’, лат. *quattuor-viri*), торговля (*dnʔryʔ* ‘денарий’ < лат. *dēnārius*), архитектура (*pʔdy* ‘подиум’ < лат. *podium*).

Контакты с арамеоязычным населением Сирии, а также широкое распространение арамейского языка в странах Восточного Средиземноморья в I тыс. до н. э. оставили определенный след в лексике Ф.я. Так, несколько возможных арамеизмов отмечаются в финикийской надписи из Зинджирли (КАИ 24): *gbr* ‘человек, мужчина’, *hzy* ‘видеть’. Наличие арамеизмов в других финикийских памятниках не вполне очевидно, в качестве возможных примеров следует упомянуть такие лексемы, как *kʔn* ‘сейчас, теперь’, *kʔm(y)* ‘персона; кто-либо’, *šgy* ‘многочисленный’.

В III–I вв. до н. э. Ф.я. получил распространение среди нумидийцев — населения Северной Африки, подчиненного державе Карфагена и говорившего на одном из берего-ливийских языков. Нумидийцы были наемниками в карфагенской армии, их ца-

ри получали образование в Карфагене. В посвяtitельных надписях нумидийских царей, составленных по-пунически, встречаются их титулы: *gld-* (ср. тамазигхт *agelliq* 'царь'), *munkd* (ср. туарег. *amenika!* 'вождь').

Принято считать, что большинство из многочисленных семитских заимствований в греческий язык в силу исторических причин (см. выше) представляют собой заимствования из финикийского. Отметим лишь те, финикийское происхождение которых подтверждается имеющимся в нашем распоряжении лексическим материалом Ф.я.: *κόνινον* 'тмин' (< фин. *kmn*), *χιτόν* 'хитон' (< фин. *ktn*), *χρυσός* 'золото' (< фин. *hrs*).

2.7.0. О диалектах см. 1.2.1. О древнебиблском диалекте см. 1.5.0.

ЛИТЕРАТУРА

Г р а м м а т и к и

Friedrich J., Röllig W. Phönizisch-Punische Grammatik. 3. Auflage, neu bearbeitet von M.G. Amadazi Guzzo unter Mitarbeit von W.R. Meyer. Roma, 1999.

Segert S. A Grammar of Phoenician and Punic. München, 1976.

С л о в а р и

Hoftijzer J., Jongeling K. Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions. Leiden, 1995.

Krahmalkov Ch. R. Phoenician-Punic Dictionary. Leuven, 2000.

Tombak R.S. A Comparative Semitic Lexicon of the Phoenician and Punic Languages. Missoula, 1978.

О б щ и е р а б о т ы

Шифман И.Ш. Финикийский язык. М., 1963.

Benz F.L. Personal Names in the Phoenician and Punic Inscriptions. Roma, 1972.

Bron F. Recherches sur les inscriptions phéniciennes de Karatepe. Genève; Paris, 1979.

Garr W.R. Dialect Geography of Syria-Palestine, 1000–586 B.C.E. Philadelphia, 1985.

Huehnergard J. The Development of the Third Person Suffix in Phoenician // *Maarav*, 1991, vol. 7.

Krahmalkov Ch.R. Observations on the Punic Monologues of Hanno in the "Poenulus" // *Or.*, 1988, vol. 57.

La civilisation phénicienne et punique: Manuel de recherche / V. Krings (ed.). Leiden, 1995.

Testen D. The Phoenician Direct-Object Marker in the Inscription of Yhwmlk // *UF*, 1997, Bd. 29.

И с т о ч н и к и

Donner H., Röllig W. Kanaanäische und aramäische Inschriften. Mit einem Beitrag von O. Rössler. Wiesbaden, 1966, Bd. I²; 1968, Bd. II²; 1969, Bd. III².

Gibson J.C.L. Textbook of Syrian Semitic Inscriptions. Vol. III. Phoenician inscriptions including inscriptions in the mixed dialect of Arslan Tash. Oxford, 1982.

Late Punic Epigraphy. An Introduction to the Study of Neo-Punic and Latino-Punic Inscriptions / Ed. by K. Jongeling and R.M. Kerr. Tübingen, 2005.

Szzyrmer M. Les passages puniques en transcription latine dans le "Poenulus" de Plaute. Paris, 1967.

Tropper J. Die Inschriften von Zircirli: Neue Edition und vergleichende Grammatik des phönizischen, sam'alischen und aramäischen Textkorpus. Münster, 1993.

С о к р а щ е н и я н а з в а н и й и с т о ч н и к о в

KAI — *Donner H., Röllig W.* Kanaanäische und aramäische Inschriften. Mit einem Beitrag von O. Rössler. Wiesbaden, 1966, Bd. I²; 1968, Bd. II²; 1969, Bd. III².

LPE — *Late Punic Epigraphy. An Introduction to the Study of Neo-Punic and Latino-Punic Inscriptions / Ed. by K. Jongeling and R.M. Kerr.* Tübingen, 2005.

Np — *Neopunische Inschriften*, см. KAI III, S. 74–77.

Poen. — комедия Плавта "Poenulus" («Пуниец»).

TSSI — *Gibson J.C.L.* Textbook of Syrian Semitic Inscriptions. Vol. III. Phoenician inscriptions including inscriptions in the mixed dialect of Arslan Tash. Oxford, 1982.